

концептуальных позиций должно вестись исследование феномена традиционализма в современной прозе. «Неосредневековая» отдельность существует в пограничной зоне русской современной литературы.

Отечественная литературоведческая наука, располагая методологией целостного анализа, только обращается к становящимся знаковыми в контексте изменяющейся жанровой парадигмы проблемам древнерусских традиций и процесса трансформации архаичных жанровых канонов. Думается, что развитие представлений о русской литературе ушедшего столетия как словесного искусства средневекового типа, оформляющееся в современных литературоведческих трудах, может оказать влияние на создание новой истории русской литературы XX в.

С.Г.Дюкин (Пермь)

КОНЦЕПТ «РОССИЯ» В ВЕНГЕРСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Проникновение тех или иных объектов за границы своего естественного бытования сопровождается рефлексией по их поводу в пределах различных дискурсов. Отражение образа, символа, идеи, явления в рамках определенного контекста, во-первых, в различной степени коррелирует с действительным соотношением объекта и субъекта, во-вторых, порождает новое содержание, существенно влияющее на реальную ситуацию, взаимодействующую с ней, в результате чего формируются новые смыслы.

В сфере международных и межнациональных отношений данный фактор присутствует в крайне расширенном и объемном варианте. Присутствие народа, его страны и культуры в качестве *Другого* в художественном дискурсе за пределами собственной культуры, преломляясь в художественном мышлении, все же привязано к своей объективной субстанции. Через отражение национального концепта в иной культуре можно в определенной степени разглядеть способ ментального взаимодействия, комплиментарности картин мира. Через интерпретацию художественного текста можно обнаружить историко-культурный смысл, заложенный в произведении объективным процессом, расшифровать код культурного взаимовлияния.

В настоящее время постсоциалистические отношения между Россией и бывшими странами социалистического лагеря сменяются статичным партнерством. В рамках данных тенденций особое место приобретают отношения России с Венгрией. Историческая ретроспектива контактов между двумя странами насыщена как положительным, так и резко отрицательным смыслом. Однако часто официальные отношения, политическая жизнь противостоят повседневному взаимовосприятию народов. Художественная литература, являющаяся одним из источников повседневного восприятия, несет в себе информацию об отражении венгерской культурой российской ментальности, российских ценностей. Исследование данной проблемы в аспекте ее исто-

рической эволюции позволит выявить тенденции в развитии отношений и наметить возможные перспективы.

В данном аспекте интерес для исследователя представляют как произведения, целиком посвященные русской тематике, так и любые отрывочные упоминания, ссылки, аллюзии, в которых так или иначе представлена Россия. Факты подобных упоминаний выстраиваются в общую текстовую линию, которая знаменует собой семантическую сферу, *российский текст* венгерской культуры, одновременно преломляющийся в художественном творчестве и им же создаваемый.

На протяжении длительного этапа, начиная со времени формирования венгерской художественной литературы в XVII–XVIII вв., и вплоть до середины XIX в. российский концепт не фиксируется в литературном дискурсе Венгрии. Во многом данная ситуация объяснима практически полным отсутствием контактов между двумя странами в данный период, исключая фрагментарные сюжеты. Российский концепт отсутствует даже в пору расцвета венгерской литературы в начале XVIII в. Упоминаний о восточном соседе Венгрии нет в текстах ни Ф.Казинци, ни М.Верешмарти, ни Ш.Петефи.

Проникновение российской тематики в венгерскую литературу происходит в середине XIX в. и связано с именем крупнейшего венгерского прозаика эпохи М.Йокаи. Появлению России на страницах его произведений предшествует первый «большой контакт» двух стран впервые после XIII в. – российская интервенция в Венгрию 1849 г. Однако «российскость» Мора Йокаи полностью лишена негативной коннотации. Россия встроена писателем в конструкт романтической напряженности, выполняющая функцию далекой, в некотором роде, чудесной страны, противостоящей будничной, близкой автору и его читателям Европы. Романтизированный облик России конструируется на основе исторических фактов. М.Йокаи использует следующие сюжеты: пугачевское восстание (рассказ «Дерзостный»), эпизоды из русской истории XVIII вв. (цикл рассказов «В стране севера»), Крымская война (роман «Кровавая книга»), восстание декабристов (роман «Свобода под снегом»). Российские сцены составляют значительную часть фабулы одного из крупнейших произведений прозаика – романа «Сыновья человека с каменным сердцем». Краткие упоминания о различных фактах, связанных с русской историей, содержатся и в других романах прозаика.

В произведениях М.Йокаи Россия предстает пространством, далеким от Венгрии, вокруг нее формируется коннотация трансцендентности. Между двумя странами отсутствуют реальные связи. Россия воспринимается лишь как объект романтической рефлексии. На страницах романов автора появляются Петр I и Екатерина II, Кремль и Петербург, однако они лишены своей объективной смысловой наполненности, подаваясь автором как возможные факты из запредельного бытия. Исключением являются единичные упоминания о некоторых фактах русской культуры, встраиваемых в один общий ряд с подобными фактами европейских культур (рим-

ские шляпы, галстуки бантиком, французские треуголки, русские шапки-ушанки) [Йокаи 1976: 36]. Также в общий ряд помещаются факты из личной жизни австрийских герцогов, родственников Наполеона и Петра Великого [Йокаи 1971: 70].

«Русские» персонажи в произведениях М.Йокаи не обладают уникальными национальными чертами, будучи типичными представителями художественного мира писателя. В отношении к русским со стороны его «венгерских» персонажей присутствует отстраненность, отсутствие действительных связей.

Своим вниманием к России М.Йокаи явно выделяется среди прочих венгерских писателей XIX в. В художественной литературе дунайской страны ее восточный сосед почти всецело игнорируется. Крупнейший венгерский прозаик конца XIX в., большой поклонник русской литературы, К.Миксат практически не отводит места России на страницах своих произведений, ограничиваясь лишь краткими упоминаниями о фактах российской культуры на периферии своих текстов (петербургский университет как возможное престижное место учебы одного из персонажей повести «Осада Бестерце»).

Подобное, то есть сугубо периферийное, место занимает концепт *России* в венгерской литературе вплоть до конца 40-х гг. XX в. При этом стоит отметить рост объема информированности о российской культуре, которая в обозначенный период плавно вводится венгерскими авторами в сферу рефлексии в рамках собственной культуры и ассимилируется последней. Так для мыслителя и писателя Б.Хамваша имена Л.Толстого, В.Соловьева, С.Мережковского, Н.Бердяева находятся в одном ряду с именами западноевропейских писателей и философов. Особое место в дискурсе автора занимает Ф.Достоевский, аллюзией на творчество которого является роман Б.Хамваша «Бесы». Ссылки на творчество и биографию Ф.Достоевского и Л.Толстого обнаруживаются в текстах Ж.Морица и Ф.Моры. Д.Ийеш в художественной биографии Шандора Петефи апеллирует к именам М.Лермонтова, Н.Гоголя, И.Гончарова, что, безусловно, заслуживает внимания в ситуации воинственного национализма и русофобии, свойственные Венгрии межвоенного периода.

В то же время Россия продолжает присутствие на страницах *венгерского текста* в своем трансцендентном качестве, но уже не как романтический объект, пребывающий за рамками *возможного*, а как пограничное пространство, максимально удаленное от центра бытия (Европа, Венгрия). Ф.Мора простирает культурное пространство «до самой Березины» [Мора 1989: 216], дальше которой мир заканчивается. Первым фактом, о котором должен знать ученик в курсе географии в романе Ж.Морица: «Это Урал, граница Европы» [Мориц 1961: 92]. В данном контексте Россия приобретает устойчивую функцию в венгерской картине мира, связанную с границей, с посредничеством между культурой-бытием и пустотой, максимально приближаясь к последней.

С данной трактовкой места России в системе мироздания связана атмосфера страха, в которую вен-

герские авторы помещают своего восточного соседа. Страх может быть связан с военным наступлением советской армии (Дери Т. «Тетушка Анна», «Исполнин»), с большевистской угрозой (Тамаша А. «Абель в глухом лесу»), с русской интервенцией 1849 г. (Ийеш Д. «Шандор Петефи»). В данном контексте *российский* концепт полностью теряет всякую дифференцированность внутри себя. Россия и все, что с ней связано, выступают в виде единой угрозы, представляющей собой темную трансцендентную массу: «Мощная армия протягивает руки и справа и слева; затаившись в кукурузе, в кустах, казаки начинают окружать повстанцев» [Ийеш 1984: 442].

В социалистический период истории Венгрии внимание к русской тематике инициировалось «сверху» и было обусловлено идеологически. Ярким примером служит произведение, хронологически созданное еще до обозначенного периода, но написанное и изданное А.Гидашем в советской иммиграции. Это роман «Господин Фицек» (1936). Текст содержит более десяти аллюзий на российскую действительность периода действия романа (1905 год). Ссылки содержат ярко выраженный характер преувеличения с точки зрения реального влияния событий русской революции на венгерское рабочее движение. Явным курьезом выглядит фрагмент сбора будапештскими рабочими средств для «преследуемого царизмом пролетарского писателя Максима Горького» [Гидаш 1973: 146]. Интересно, что в пределах самой Венгрии даже в рамках творчества симпатизировавших советскому режиму авторов (например, поэт А.Йожеф) обращение к российской тематике крайне редки и фрагментарны.

При этом в данном же контексте фиксировалось и повседневное восприятие России, ее культуры, реальные связи. Часто невозможно провести четкую границу между двумя обозначенными тенденциями. В социалистический период фрагментарные упоминания о России становятся гораздо более частыми. При этом советское бытие порой не становится убедительнее. «Русские и советские» персонажи продолжают нести на себе печать отчужденности. Часто Россия предстает в качестве территории неизвестности, удаленности. Связанные с ней факты нередко подаются в форме всевозможных клише (Бекеша А., Геренчер М.). «Российские» персонажи порой предстают перед читателем своеобразными *Deus ex machina*, вводимыми в произведение в силу идеологической необходимости (Жолдош П. «Сверхзадача»). Венгерскими авторами создаются произведения, действие которых максимально связано с Россией и Советским Союзом (Балаж Б., Белла И., Геренчер М.). Некоторые из этих текстов носят явный просветительский характер, преследуя задачу ознакомления венгерского читателя с историей, культурой, повседневной жизнью восточного союзника и партнера.

За декларативностью дружбы и партнерства подчас проявляется все та же отчужденность, отношение к России как к трансцендентной реальности. Только на сей раз данный концепт наделяется иной периферией. Достаточно типична семантика, кото-

рой насыщается концепт России в романе Й.Дарваша «Пьяный дождь». «Советские войска продвинулись», «Когда придут сюда русские?», «Правда, что русские уже у Мезёкёвешда?» – эти и подобные выражения указывают на ожидание извне спасающей силы. Потусторонность России, как мы видим, сохраняется. Меняется лишь направленность этой силы, не потерявшей, впрочем, свою однородность. Россия продолжает оставаться непознанной и далекой, так и не превратившейся в рационализированного партнера.

Присутствие *России* в современной венгерской литературе носит ретроспективный характер. Для венгерских авторов постсоциалистического периода почти нет реальной, сегодняшней России, а есть либо историческое наследие российской культуры, либо негативные последствия «советского колониализма» в отношении Восточной и Центральной Европы. Данное направление в отношении оценки российского влияния зародилось еще в венгерской эмиграции социалистического периода. Так проживавший в Канаде Ш.Мараи в своем эссе «Земля, земля...» создает образ России, убивающей ассимилированное ей культурное пространство. Именно такой мыслью наполнено эссе Д.Мартона «Европа как артефакт». Данная мысль выражается автором через судьбу города Кенигсберга, превращенного в Калининград.

В данном дискурсе российские фрагменты приобретают стойкую негативную окраску. А сама Россия вместе со всеми своими свойствами превращается во внекультурный объект, функционирующий за рамками *возможного*, за пределами цивилизации. Данное настроение отчетливо присутствует в романе Д.Конрада «Соучастник», значительная часть которого посвящена русской проблематике. Россия сопряжена у данного автора с такими качествами как жестокость и коварство, грубость и подозрительность. Единственная историко-культурная ссылка содержит имя Сталина.

Значительный пласт современного российского дискурса в венгерской литературе связан с ироничным восприятием объекта. В первую очередь данное направление представлено крупнейшим венгерским прозаиком последнего 30-летия П.Эстерхази. В его текстах артефакты советской культуры тесно связаны с социальной ностальгией. Автомобили «Победа» и «Москвич», пиджаки фирмы «Красный октябрь», советские фильмы встроены в ассоциативный ряд социально-экономической несостоятельности. В основе последней – советская система и, как следствие, Россия со всеми своими производными. В созданном по всем канонам постмодернистской литературы романе «Малая венгерская порнография» Россия, будучи объектом беспрестанного сарказма, помещается в игровой дискурс. «Л. и Пал Кирайхеди, взявшись за руки, гуляют по площади Вёрёшмарти и смеются над Сталиным» [Эстерхази 2004: 125]. Таким образом, Россия окончательно превращается в символ, лишаясь реальной историко-культурной наполненности. Ее функцией становится создание негативного примера, который,

впрочем, имеет свою актуальность лишь в исторической ретроспективе.

Общее место *России* в венгерском художественном тексте и ее семантическое наполнение указывают на периферийный характер российской данности в венгерском бытии. Тесные экономические, общественные и культурные связи значительно опережают повседневное восприятие *русскости* в Венгрии. Бытование данного концепта на берегах Дуная обусловлено слабым проникновением российской семантики в венгерскую культуру. До социалистического периода венгерский текст заимствует лишь единичные факты российской истории и культуры, не подвергая их переработке внутри собственного модуса. При этом данные факты носят непроверенный характер, оставаясь сырьем для художественной переработки. Глубинное восприятие российских культурем фиксируется лишь в постсоциалистическую эпоху: венгерская культура включает российскую тематику в собственную семиосферу, превращая факты из истории взаимоотношений в символы. При этом, как и раньше, наблюдается отчуждение воспринимаемой информации от реальной исторической субстанции. Создатели текстов ограничиваются символической интерпретацией фактов, отходя от их конкретно-исторической основы.

Список литературы

- Йокаи М. Венгерский набоб. М., 1976.
Йокаи М. Черные алмазы. М., 1971.
Мора Ф. Дочь четырех отцов. М., 1989.
Мориц Ж. барские затеи. М., 1961.
Ийеш Д. Шандор Петефи. М., 1984.
Гидаш А. Господин Фицек. М., 1973.
Эстерхази П. Малая венгерская порнография. М., 2004.

Л.З.Герайзаде (Азербайджан, Баку) ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА В ТВОРЧЕСТВЕ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

Проблема исторической личности и общества является одной из приоритетных в творчестве русскоязычных писателей. По мнению Н.Пашаевой, «суть гуманистической литературы, ее содержание во все времена оказывались связанными с судьбами людей, народа. И когда мы говорим о крупных художниках XX в., прежде всего, сообразуемся с тем, в какой степени, как глубоко их творчество было связано с фактором человек и народ, личность и нация» [Пашаева 2003: 4].

История – это нравственный, философский опыт народа. «В истории находятся истоки и этапы становления и развития национальной культуры, начальных добрых человеческих качеств, которые слабают нынешний народный характер. Отрицая историю, мы лишаемся значительной доли того культурного багажа, который нам необходим сегодня...» [Гусейнов 1997: 79]. В свете этого можно сказать, что русскоязычным писателям удалось доказать, что